

УДК 903-910.3
ББК 63.4

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.31.50>

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ПЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА¹

© 2025 г. Э.Е. Кравченко

В среднем течении Северского Донца присутствует группа памятников пеньковской культуры, часть которых подвергались раскопкам. В 1990–1991, 2005 гг. исследования такого поселения велись на археологическом комплексе у с. Маяки Славянского р-на Донецкой обл. Были расчищены котлованы 5 построек и группа хозяйственных сооружений, материалы которых позволяют датировать поселение V–VII вв. Указанное поселение являлось самой ранней частью крупного памятника, расцвет которого приходится на хазарское время. Наличие в среднем течении Северского Донца группы памятников, существовавших в эпоху Великого переселения народов и, следующее за ней, хазарское время, представляет интерес. На многих поселениях этой территории, слои хазарского времени подстилаются слоем пеньковской культуры. На памятниках хазарского времени на поселениях буферной зоны между степью и лесостепью, и на граничащих с этой зоной степных просторах четко прослеживается славянское влияние. Ныне, на основании имеющегося археологического материала, сложно определить, как попали в среднее течение Северского Донца носители славянской традиции. Возможно, это население было перемещено из лесостепных территорий уже в период существования Хазарского каганата. При этом, нельзя исключать, что носителями славянской традиции могло являться автохтонное население, поглощенное выходцами из Степи и Северокавказского региона, которые пришли на рассматриваемые земли в VIII веке.

Ключевые слова: археология, Северский Донец, славяне, хазары, аланы, протоболгары, анты, поселение, печь, керамика, постройки

STUDIES OF A SETTLEMENT OF PENKOVSKAYA CULTURE IN THE MIDDLE REACHES OF THE SEVERSKY DONETS RIVER²

E.E. Kravchenko

The middle reaches of the Seversky Donets features a group of monuments belonging to Penkovskaya culture, some of which have been excavated. In 1990-1991 and 2005 such a settlement was studied at an archaeological site near Mayaki village, Slaviysk district of the Donetsk region. Foundation trenches of 5 buildings and a group of household structures were cleared, and the materials obtain allow dating the settlement to the 5th-7th centuries. This settlement was the earliest portion of a large monument which flourished in the Khazar period. The presence of a group of monuments which existed during the Migration and consecutively the Khazar period in the middle reaches of the Seversky Donets is an interesting phenomenon. At many settlements on this territory, layers of the Khazar period are bedded by a layer of Penkovskaya culture. Slavic influence is clearly traced on the monuments of Khazar period in the settlements of the buffer zone between steppe and forest steppe, and open spaces bordering this zone. Today, on the basis of the available archaeological material, it is difficult to determine how carriers of Slavic tradition got to the middle reaches of the Seversky Donets. Perhaps, this population moved from forest steppe as late as during the existence of the Khazar Khaganate. At the same time, it cannot be ruled out that the carriers of Slavic tradition could be the indigenous population absorbed by the native people of steppe and North Caucasus region, who reached to the lands in question in the 8th century.

¹ Работа выполнена в рамках Государственного задания Севастопольского государственного университета «Формирование и функционирование поселенческих структур населения Крыма от Средних веков к Новому времени по данным археологии и междисциплинарным исследованиям».

² The work was carried out within the framework of the State Assignment of Sevastopol State University "Formation and functioning of settlement structures of the Crimean population from the Middle Ages to Modern times according to archeology and interdisciplinary research"

Keywords: archaeology, Seversky Donets, the Slavs, the Khazars, the Alans, the Proto-Bolgars, the Antes, settlement, furnace, ceramics, buildings

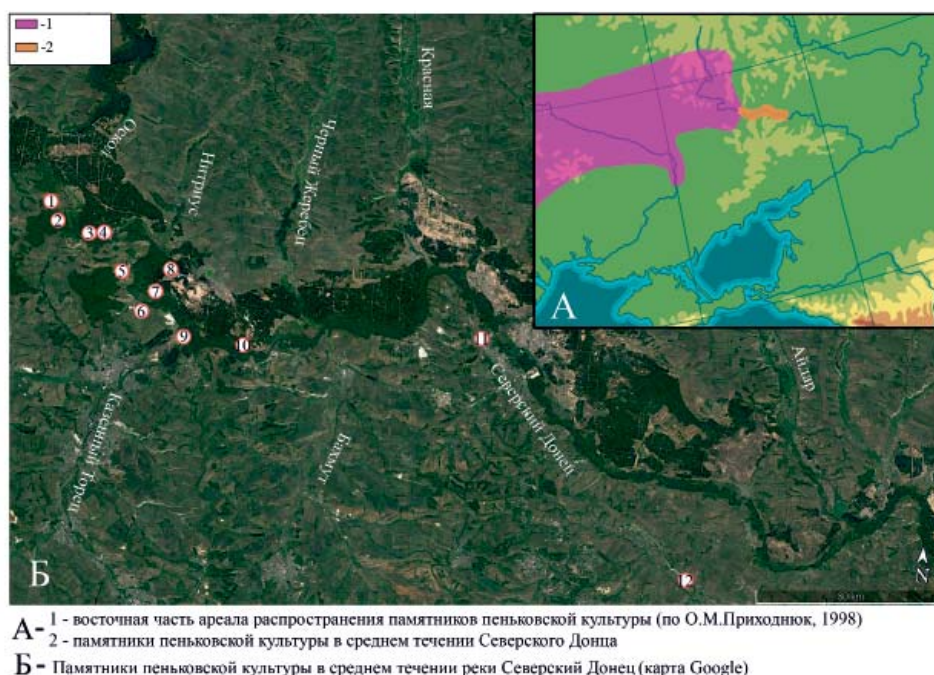

Рис. 1. Схема расположения памятников пеньковской культуры: А – общий ареал распространения пеньковских древностей (по О.М. Приходнюк, 1989); Б-схема расположения памятников пеньковской культуры в среднем течении Северского Донца (использована карта SASPlanet)

Fig. 1. Layout of monuments of Penkovskaya culture: A –general distribution area of Penkovskaya antiquities (according to O.M. Prikhodnyuk, 1989); B – Layout of monuments of Penkovskaya culture in the middle reaches of the Seversky Donets (using SASPlanet map)

В среднем течении р. Северский Донец присутствует значительное количество памятников, оставленных оседлым населением I тысячелетия нашей эры. Подавляющее большинство их относится к хазарскому времени. Эта группа отличается относительно хорошей изученностью и разнообразием (городища, селища, сезонные стойбища, могильники с различным обрядом погребения). Поселения более раннего периода встречаются реже. Небольшая группа позднескифских памятников была выявлена относительно недавно. Изучена она слабо (Обломский, 2020, с. 380). Несколько большее количество археологических объектов представлено поселениями киевской и пеньковской культур.

На факт наличия на территории региона «славянских» памятников указывал еще Н.В. Сибилев (Сібільов, 1930, с. 10–11). Во время разведок 1983 года¹ здесь был зафиксирован ряд селищ. В числе их были и поселения, ранее открытые Н.В. Сибилевым, у которого они фигурировали под другими

названиями (Телегін, Духін, Кравченко, 1983, с. 8–11; Телегін, Духін, Кравченко, 1997, с. 144–145)². В 80–90-е годы XX века автором выявлена группа пунктов с материалами пеньковской культуры (Дубовая Роща³, Выла⁴, Казачья Пристань⁵) (рис. 1: 4, 1, 9). Совместно с В.В. Цимидановым были найдены селища у озер «Кругленькое» и «Красноярское»⁶ (рис. 1: 7–8) и проведена шурфовка поселения в урочище «Выдылыха» (рис. 1: 2).

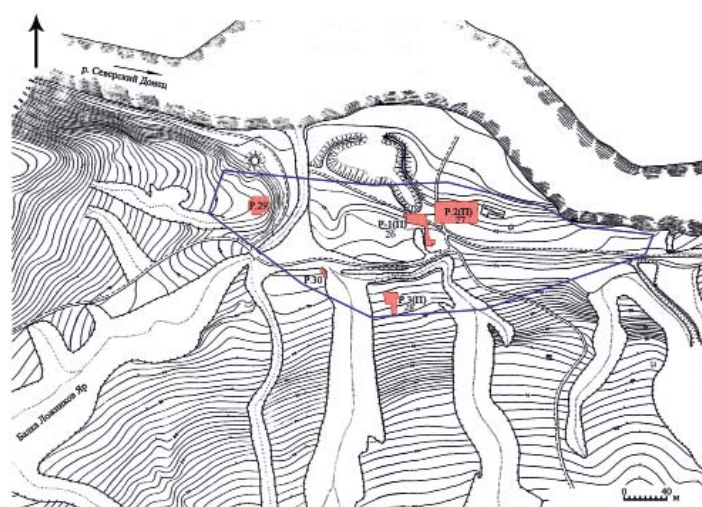
Исследование этих памятников началось с работ М.Л. Швецова на селище, прилегающем к эталонному могильнику «Зливки», где был обнаружен слой пеньковской культуры (рис. 1: 10) (Швецов, 2018 а, с. 119, рис. 1: 1; 2018 б, рис. 5: 1). В 1986 г. начались раскопки в урочище Старица (рис. 1: 3), на котором был выявлен куст из трех поселений. Работы велись на самом крупном из них и продолжались с перерывами до 2010 года (Швецов, 2018 б, с. 175–177). В 1998–1999 гг. автором производились исследования поселения Казачья Пристань, на различных участках которого

были обнаружены позднескифский памятник и пеньковское поселение (рис. 1: 9) (Кравченко, Цимиданов, Кузин, 1998, с. 7; Кравченко, Мирошниченко, 2007, с. 43–50; Кравченко, 2012, с. 144–145). В 2005–2010 годах экспедицией под руководством А.В. Колесника изучался многослойный памятник в урочище Выдылыха, где присутствовали материалы пеньковской культуры и позднескифского времени (Хозин, 2007)⁷. Кроме этого, материалы указанного периода были обнаружены во время исследований городищ Донецкой группы. Так, при работах на Сидоровском комплексе (рис. 1: 5), относящемся к салтово-маяцкой культуре, найден ряд предметов предсалтовского времени (спинка фибулы гапоновского типа, амулет в виде кольца с выступами, увенчанного головкой, булава с волнитообразным навершием, удила с парными кольцами, панцирная пластина и др.) (Кравченко, 2020, рис. 204: 16, 206: 1, 208: 5, 210: 15, 18). Слоя указанного периода при раскопках выявлено не было. Тем не менее, он может присутствовать на каком-нибудь участке этого крупного памятника (например, на слабоизученных селищах 1 и 2).

Древности близкого типа были найдены и ниже по течению Северского Донца, на территории Луганской области. В 1972 году, во время разведок, проводимых Северско-Донецкой экспедицией⁸, пеньковская керамика обнаружена в районе города Лисичанск (рис. 1: 11) (Швецов, 2018 б, с. 177, подстрочник). Материалы, близкие пеньковским, были выявлены К.И. Красильниковым при исследованиях могильника у села Новодачное Славяносербского района Луганской области (рис. 1: 12) (Красильников, Тельнова, 1997, с. 66–80; Красильников, 2001, с. 317, рис. 10). В целом все эти памятники входили в группу поселений, расположенных на юго-восточной окраине ареала распространения древностей пеньковской культуры (Приходнюк, 1998, рис. 1: 1)⁹. Представляется, что здесь находится гораздо большее количество поселений, часть которых еще предстоит открыть. Указанная группа узким языком спускается вниз по среднему течению р. Северский Донец, выходя за пределы границы лесостепи и углубляясь в степь (рис. 1). Такое пограничное положение делает эти поселения исключительно интересными в плане взаимодействия их населения с обитателями степи (Швецов, 2018 в, с. 192).

Один из памятников этой группы изучался на селище 3, входящем в состав археологического комплекса у села Маяки Славянского района Донецкой области (рис. 1: 6). В 1990–1991 годах автором и М.Л. Швецовым здесь был зафиксирован слой пеньковской культуры и расчищен ряд жилых и хозяйственных сооружений (Кравченко, Швецов, 1990). В 2005 году работы были продолжены (Кравченко, Цимиданов, Шамрай, Мирошниченко, Петренко, 2005, с. 7–19). В целом на селище 3 заложено пять раскопов: раскоп 1(П)/26 (S – 224 кв. м), раскоп 2(П)/27 (S – 880 кв. м), раскоп 3(П)/28 (S – 200 кв. м), раскоп 29 (S – 284 кв. м) и раскоп 30 (S – 36 кв. м)¹⁰ (рис. 2: 1–2). О материалах, полученных в результате этих раскопок, неоднократно упоминалось в работах, хотя опубликованы они не были (Швецов, 2018 а, б, в). Тем не менее введение указанных данных в оборот представляет интерес, так как указанное поселение предшествовало появлению на этом месте крупного археологического комплекса, который существовал в течение всей эпохи Средневековья и играл одну из ведущих ролей в системе средневековых памятников среднего течения Северского Донца. Исследования велись раскопами, разбитыми, как в центральной части селища, так и на его окраинах. Это позволило получить общее представление о размерах памятника, его планировке, характере сооружений, а также дало достаточное количество археологического материала, характеризующего его материальную культуру.

Селище 3 находится на северо-восточной окраине археологического комплекса, на берегу Северского Донца. Оно занимает террасу, вытянутую вдоль берега реки по линии запад – восток. В западной части эта терраса пересекается Ложниковым Ярмом – глубокой, обводненной балкой, впадающей в реку. Культурные напластования, мощность которых достигает 2–2,5 метров, формировались в период от энеолита до Нового времени. Материалы раннего и развитого Средневековья залегают в рыхлом комковатом сильно гумусированном грунте с примесью мелкой меловой крошки, который шел до уровня 1 метра от современной поверхности. Этот слой подстилался осветленным глиной гумусом, плавно переходящим в глинистый материк. Из верхней части осветленного гумуса были пущены все комплексы пеньковской культу-

1

2

Рис. 2. 1-план селища 3 археологического комплекса у с. Маяки; красным обозначены раскопы.

2 – фото селища 3 (вид с юго-запада); стрелками показаны места расположения раскопов.

Fig. 2. 1 – Plan of the settlement 3 of archaeological monument near Mayaki village; the excavations are marked in red.

2 – photo of unfortified settlement 3 (view from the southwest); the excavation locations are marked by arrows.

ры¹¹. Нижняя его часть содержала материалы эпохи поздней бронзы. Сооружения пеньковской культуры были зафиксированы в раскопах 26, 27 и 29.

Раскоп 26 (в отчетах раскоп 1«П») располагался в центральной части селища (рис. 2; 3: 1). К западу от него террасу прорезал Ложников Яр. К северу находится спуск в пойму Северского Донца. В связи с удобным расположением этого участка практически вся площадь раскопа была занята сооружениями разных эпох. В пределах раскопа 26 культурные напластования имели наибольшую мощность на территории селища, достигая 2,3–2,5 метров. Отложения пеньковской куль-

туры были представлены слоем осветленного гумуса с примесью золы, мощность которого на различных участках раскопа колебалась от 0,2 до 0,5 метра (рис. 4: 2). Указанный слой фиксировался на уровне 1,3–1,8 м от репера и прослеживался пятнами. В слое и в комплексах более позднего времени, прорезавших этот слой, присутствовали фрагменты керамики (в основном стенки сосудов) и отдельные предметы (рис. 3: 5, 22). Площадь раскопа 26 была сильно повреждена хозяйственной деятельностью. Вдоль террасы пролегают коммуникации крупной фильтраторной станции, расположенной в устье Ложникова Яра. Земляные работы и аварии на подземных

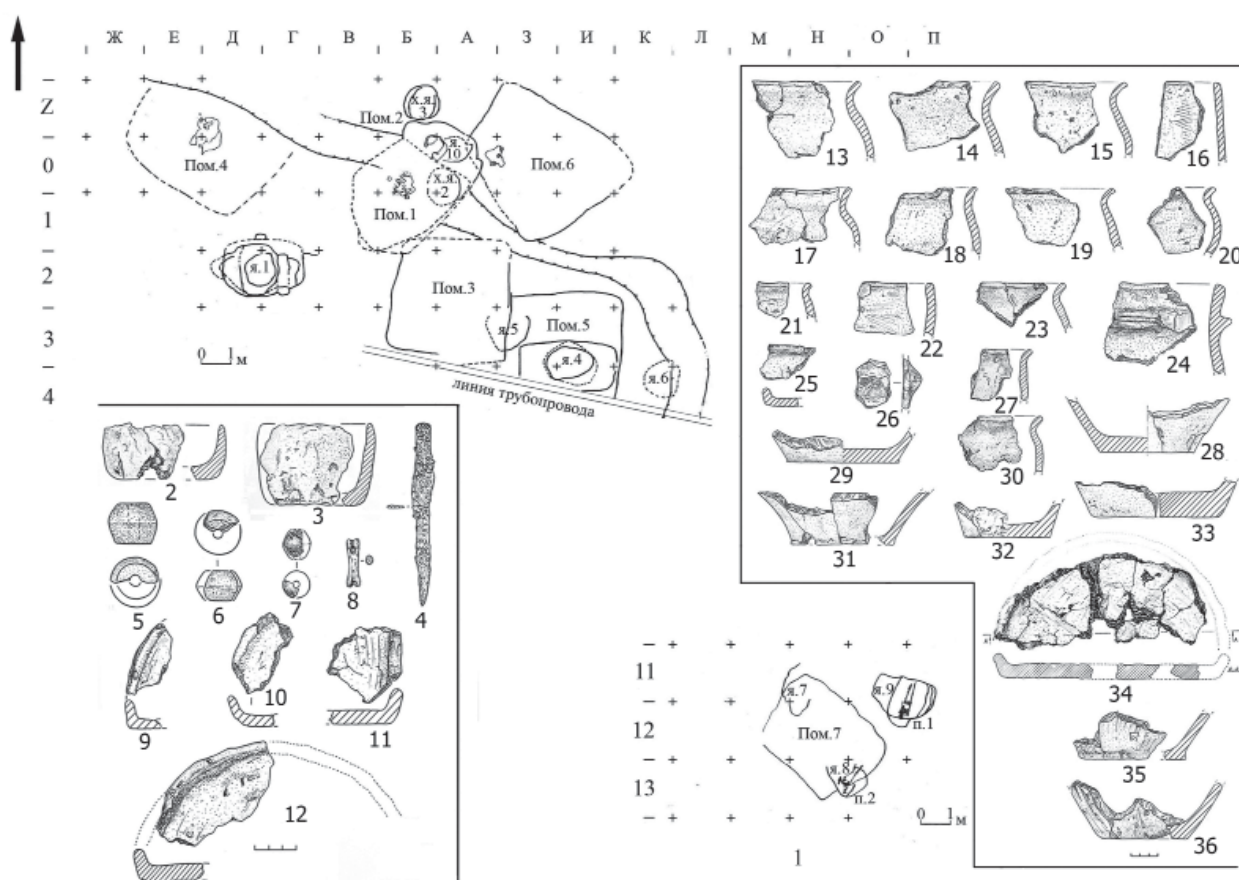

Рис. 3. 1 – общий план раскопа 26; 2-4, 7-21, 23-36 – помещение 3 раскопа 26;

5, 22 – культурный слой раскопа; 6 – помещение 5 раскопа 26.

Fig. 3. 1 – General plan of the excavation 26; 2-4, 7-21, 23-36 – room 3 of excavation 26;

5, 22 – cultural layer of the excavation; 6 – room 5 of excavation 26.

водоводах активизировали процесс ярообразования. Северный край террасы был разрушен глубокой канавой, прорезавшей культурные напластования до материка. В ее обрезах фиксировались археологические комплексы, что вызвало необходимость проведения охранных археологических исследований на этом участке. К пеньковской культуре относились три сооружения, представленные помещениями 3, 5 и 7.

Помещение 3 раскопа 26 находилось в южной его части, у склона с террасы в пойму. Заполнение комплекса было прослежено с уровня 0,8–1 метр¹² за счет наличия в нем фрагментов лепной керамики. Пятно комплекса фиксировалось на уровне 1,2–1,4 метра. Котлован дошел в поврежденном состоянии. Его северная сторона была прорезана сточной канавой. Южный край частично срезан траншеей трубопровода. Северо-западный угол поврежден помещением 2, а восточная стена перекрыта хозяйственной ямой 5. Оба

комплекса относятся к хазарскому времени. С западной стороны котлован непосредственно граничит с помещением 5 (рис. 4: 1; 3: 1).

Судя по сохранившейся части, помещение представляло полуземлянку (размерами не менее 4×4–4,4 метра), ориентированную сторонами по странам света. Дно находилось на уровне 2 метров. Постройка имела столбовую конструкцию стен. Большинство столбовых ямок располагалось по периметру котлована. Одна из них находилась в центральной его части, что свидетельствовало о том, что данная постройка имела двускатную или четырехскатную конструкцию кровли. Пол помещения представлял собой золистую прослойку с древесными углями. В западной и центральной части котлована зафиксировано золистое пятно неправильной формы размером 1,8×2,2 метра, которое, вероятнее всего, являлось остатками очага. У восточной стенки находилась неглубокая яма овальной формы (0,9×1,1 метра), вытянутая длинной

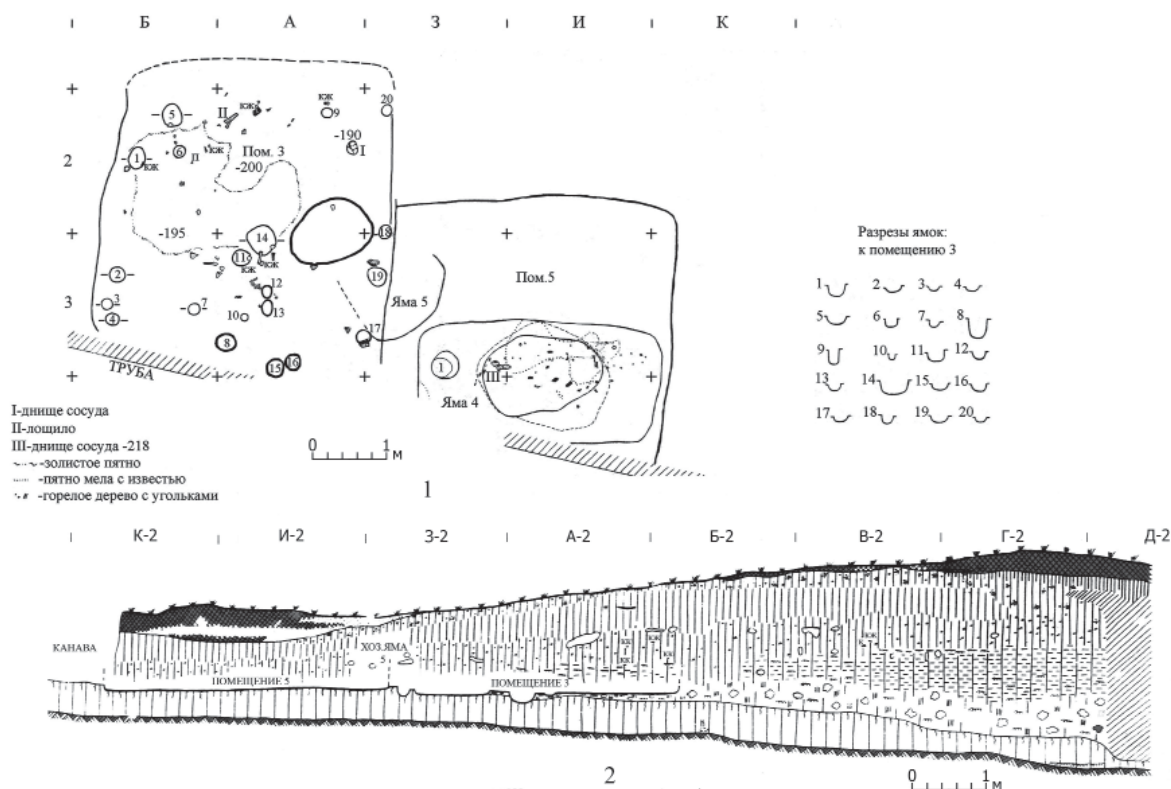

Рис. 4. 1 – план помещений 3 и 5 раскопа 26; 2 – разрез раскопа 26.
Fig. 4. 1 – Plan of rooms 3 and 5 of excavation 26; 2 – section of excavation 26.

осью по линии запад – восток с небольшим отклонением к югу. В пол котлована она была углублена на 0,1–0,15 метра.

В заполнении и на дне котлована обнаружено много находок: кости животных, фрагмент грузила (рис. 3: 7), железный нож с плоским черешком (рис. 3: 4), амулет, сделанный из фаланги зайца (?) (рис. 3: 8), и керамика, представленная фрагментами горшков, сковород и вотивных сосудинок. Горшки лепные, с примесью крупного шамота в тесте. Край венчика заполуовален и обычно слегка отогнут наружу (рис. 3: 13–15, 17–21, 23, 26, 29). Реже встречаются прямостоящие венчики (рис. 3: 16). За пределами котлованов в слое был выявлен фрагмент венчика, слегка загнутого внутрь сосуда (рис. 3: 22). Часть днищ имеет закраину (рис. 3: 31, 35). На внешней поверхности у некоторых доньшек имеются грубые следы вертикального сглаживания (рис. 3: 36). Среди керамики присутствует фрагмент венчика зерновика с высоким подтреугольным в поперечном сечении валиком (рис. 3: 24). Сковороды имеют невысокий, слегка отогнутый наружу бортик (рис. 3: 9–12, 34). Вотивы сохранились фрагментарно. Пред-

ставлены двумя сосудиками баночной формы с заостренным прямым или слегка загнутым внутрь венчиком (рис. 3: 2–3). Обращает внимание факт наличия в постройке фрагмента серолощеного кувшина со сглаженным коническим выступом, который находился на боковой части сосуда (рис. 3: 26).

Помещение 5 раскопа 26 (рис. 4) обнаружено в юго-восточной части раскопа при зачистке участка, прилегающего к помещению 3. Котлован сохранился не полностью. С южной стороны, по всей своей длине, он был обрзан траншеей трубопровода. Сохранившаяся южная часть прорезана хозяйственной ямой 4 (XI–XIII веков). С западной стороны котлован соприкасался с помещением 3 и был прорезан хозяйственной ямой 5 хазарского времени. Заполнение отличалось от заполнения помещения 3 более светлым цветом. Сохранившаяся часть котлована имела прямоугольную форму и была ориентирована стенами по странам света. Столбовых ям и отопительно-го сооружения обнаружено не было. Длина сохранившейся части котлована с запада на восток – 3,9 метра, а с севера на юг – 3,6 метра. Уровень дна 1,95–2 метра от современной

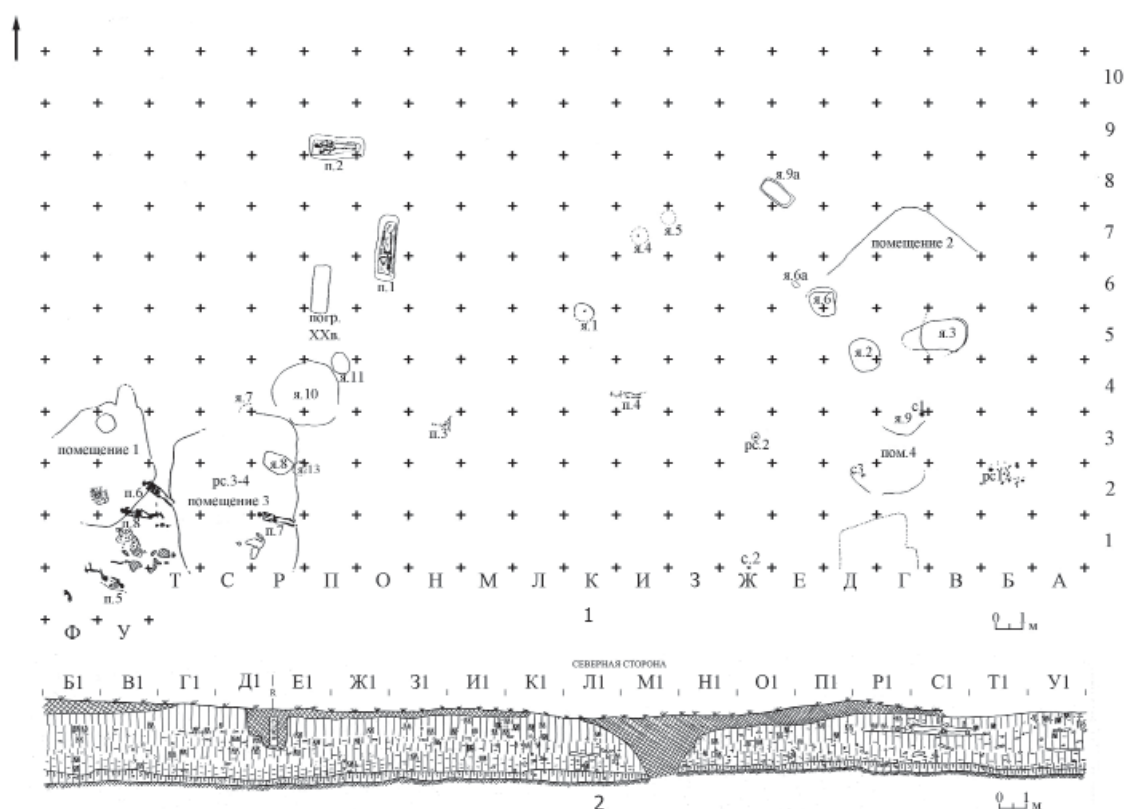
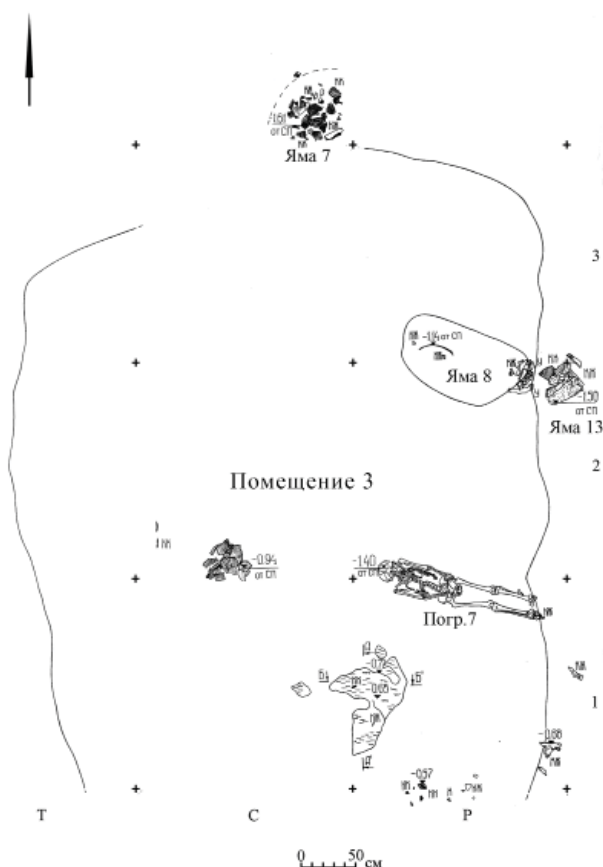

Рис. 5. 1 – раскоп 27, общий план; 2 – разрез раскопа 27 по бровке БУ-1.
Fig. 5. 1 – Excavation 27, general plan; 2 – section of excavation 27 along the edge of BU-1.

поверхности. Среди находок – кости животных, три небольших фрагмента сковородок и несколько мелких стенок лепных горшков. Кроме них, здесь был обнаружен фрагмент биконического пряслица с усеченными основаниями, орнаментированного крестообразными наколами (рис. 3: 6).

Помещение 7 раскопа 26. Расположено на расстоянии 19 метров к юго-востоку (азимут 140°) от южной стены помещения 3. Оно было прорезано хозяйственными ямами 7 и 8 хазарского времени. В верхней части заполнения ямы 8 было выявлено погребение 2 (рис. 3: 1). Контур пятна котлована помещения 7 слабо читался на фоне темного слоя раскопа. Он фиксировался с глубины 1,52 метра от современной поверхности. Котлован имел прямоугольную форму размером 4×3 метра и был ориентирован длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Дно находилось на уровне 2,13 метра. В заполнении котлована найдены два фрагмента керамики пеньковского типа. Следов столбовых ям и отопительного соору-

Рис. 6. Раскоп 27, план помещения 3.
Fig. 6. Excavation 27, plan of room 3

жения выявлено не было. Судя по указанным выше находкам и данным стратиграфии, котлован относился к пеньковской культуре.

Раскоп 27 (в отчетах – раскоп 2«П»). Располагался в 30 метрах к востоку от раскопа 26 на краю террасы и на склоне с нее в пойму реки (рис. 2: 1–2)¹³. Как и на соседнем участке, культурные напластования здесь имели значительную мощность (2,2–2,4 метра) (рис. 5: 2) и были повреждены поздними перекопами. Археологические комплексы читались нечетко. Слой пеньковской культуры сохранился пятнами на отдельных участках раскопа. Вероятно, он был разрушен в процессе функционирования поселения в более поздний период. По крайней мере, фрагменты сосудов пеньковской культуры были встречены в слое и комплексах на различных частях раскопа вместе с более поздними материалами (рис. 7: 2). Кроме этого, в слое были обнаружены обломки двух вотивных сосудиков (рис. 8: 1–2). На участках, где слой пеньковской культуры сохранился непо потревоженным, его мощность не превышала 0,2 метра. В раскопе 27 к этому времени относится помещение 3 и группа хозяйственных ям (рис. 5: 1).

Помещение 3 раскопа 27. Котлован был зафиксирован в западной части раскопа. Контуры его были плохо различимы в темном слое и читались в виде слабо выраженного

пятна, отличавшегося от окружающего грунта более темным цветом. Котлован прослежен не полностью: его южная часть на 0,2–0,3 метра выходила за пределы раскопа. Северная стенка была прослежена частично. В целом котлован имел подпрямоугольную форму и был ориентирован сторонами по сторонам света. Его прослеженная часть имела длину 5,8–6 метров при ширине 4,5–4,7 метра. Дно находилось на уровне 1,05 метра от современной поверхности (рис. 5: 1–2; 6). Котлован помещения был пересечен несколькими хозяйственными ямами (№№ 7, 8, 10, 13), содержащими материалы хазарского времени. У восточной стенки его дно было прорезано погребением 7 золотоордынского времени. В южной части в заполнении, на глубине 0,65 метра, зафиксированы остатки очага с древнерусской керамикой (XI–XIII века). В заполнении котлована встречены немногочисленные фрагменты керамики пеньковской культуры и сосудов хазарского времени, которые могли просесть из вышележащих слоев. В центральной части на уровне 0,94 метра находились два развала сосудов: пеньковская острореберная корчага (рис. 8: 7) и лепной горшок S-видного профиля с сильной примесью шамота в тесте (рис. 8: 4). На дне котлована следов столбовых ям зафиксировано не было. Собственно, и само дно в слое темного грунта было слабо

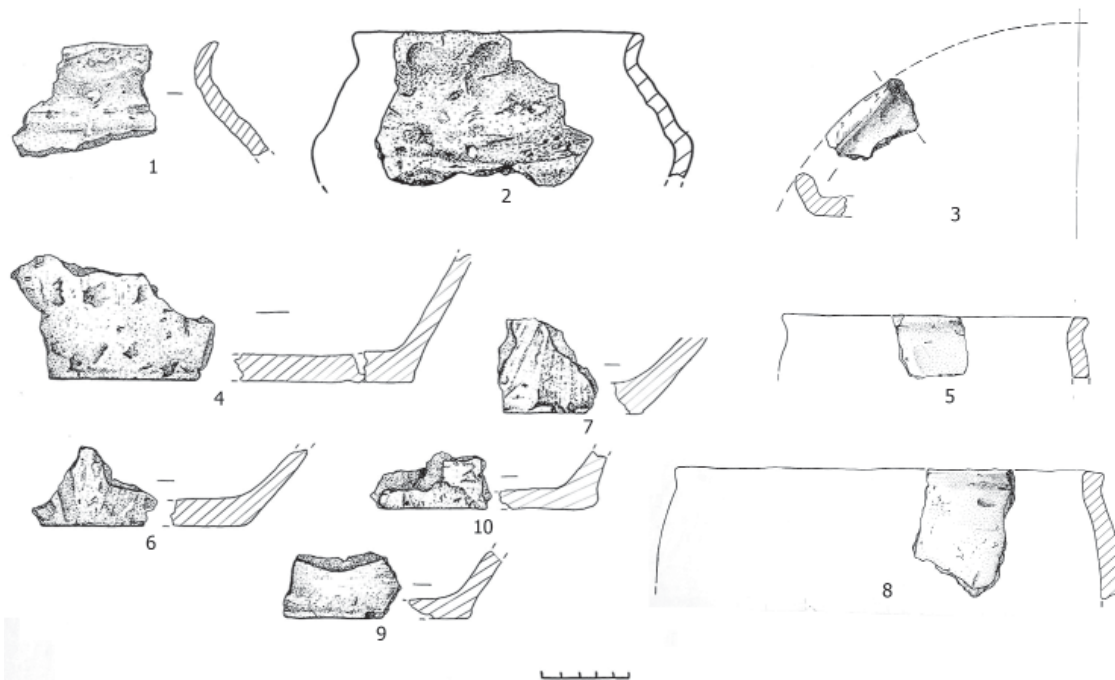

Рис. 7. Раскоп 27. Керамика: 2 – слой раскопа; 1, 3–10 – котлован помещения 3.

Fig. 7. Excavation 27. Ceramics: 2 – excavation layer; 1, 3–10 – foundation pit of room 3.

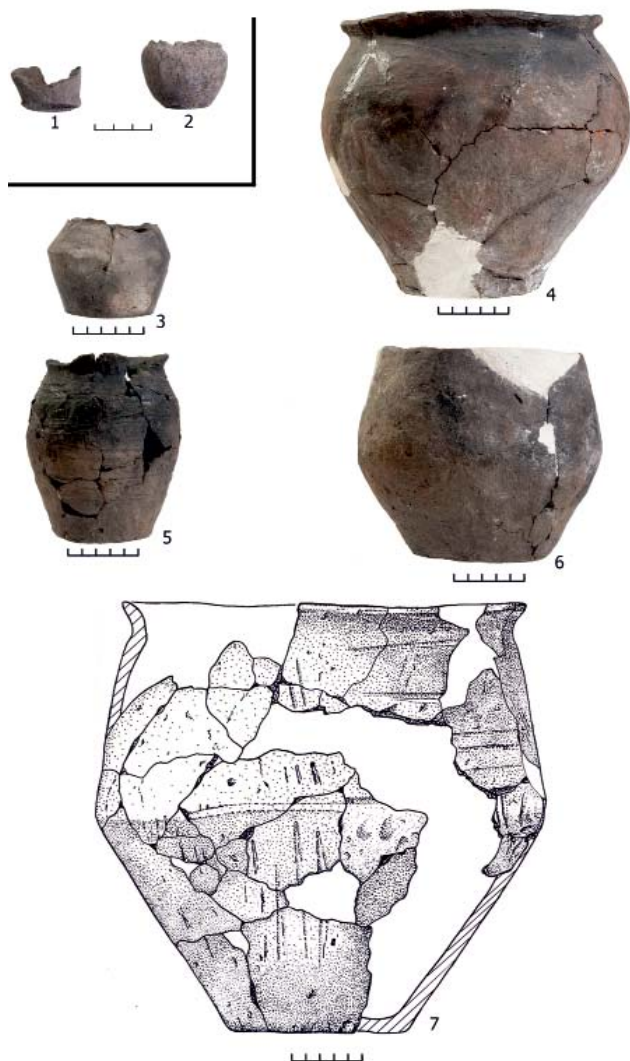

Рис. 8. Раскоп 27. Керамика: 1-2, 5 – слой раскопа 27; 3 – кв. Ж-1; 6 – хоз. яма 9; 4, 7 – котлован помещения 3.

Fig. 8. Excavation 27. Ceramics: 1-2, 5 – layer of excavation 27, 3 – sq. Zh-1; 6 – household pit 9; 4, 7 – foundation pit of room 3.

различно. Учитывая наличие пеньковской керамики в заполнении и на дне рассматриваемого комплекса (рис. 7: 1, 3–10), а также датировку хозяйственных ям и захоронений, прорезавших котлован, М.Л. Швецов отнес этот объект к пеньковской культуре.

Кроме описанного выше помещения в пределах раскопа 27 была выявлена группа хозяйственных ям (№ 2–4, 9), относящихся к интересующему нас времени. Находки в их заполнении в большинстве случаев невыразительны: колотые кости животных и немногочисленные фрагменты стенок лепных керамических сосудов. В хозяйственной яме № 9 был обнаружен горшок (рис. 8: 6). Вполне вероят-

но, что сосуд пеньковской культуры, найденный в квадрате Ж-1 (рис. 8: 3), также происходил из хозяйственной ямы, контур которой не был зафиксирован в темном культурном слое.

Раскоп 29 был расположен к западу от раскопа 26, на небольшой мысовидной площадке террасы, прилегающей непосредственно к склону холма, на котором находится городище. Раскоп был расположен в центральной части мыса, в 15 метрах к западу от склона к руслу Ложникова Яра (рис. 2: 1–2; 9: 1). Площадка террасы, где он находился, имела повышение к западу. Здесь располагался крутой и узкий участок склона, по которому пролегает дорожка, ведущая на городище хазарского времени. Указанный склон, вероятно, подвергся эскарпированию, а дорожка являлась одним из въездов на городище.

Культурные напластования раскопа 29 достигали двухметровой толщины. В пределах его территории слоев с материалами пеньковской культуры и хазарского времени обнаружено не было. Разрозненные фрагменты пеньковской керамики встречались в слоях X–XIV вв. и в заполнении впущенных из них комплексов. Вероятно, слой пеньковской культуры был срезан в хазарское время при подрезке склона во время строительства въезда на городище. В раскопе выявлена одна постройка интересующего нас периода.

Помещение 5 раскопа 29 (рис. 10: 1–2). Расчищено в западной части раскопа. Северный край его заполнения поврежден котлованом помещения 3 (XI–XIII вв.). При выборке этого участка наблюдалось скопление керамики пеньковской культуры. В квадрате Г-10, в пределах помещения 3, в слое на уровне 1,1 метра был найден обломок пальчатой фибулы (рис. 11: 1). Сохранился участок ее «головки», с двумя фигурными отростками. В квадрате В-10 на уровне 1,1 метра найден обломок оленьего рога со следами обработки (рис. 11: 4). В квадрате Г-11 присутствовал развал отопительного сооружения постройки – печи-каменки, сооруженной из обломков жерновов ручной мельницы и фрагментов лепных сосудов пеньковской культуры (рис. 9: 2). Нижняя часть печи находилась на уровне 1,14–1,15 метра и фиксировала дно котлована постройки. Печь была повреждена во время строительства помещения 3, край котлована которого прошел возле отопительного сооружения (рис. 10: 2). Внутренняя часть печи

1

2

Рис. 9. 1 – археологический комплекс Маяки, восточный склон с городища и раскоп 29;

2 – развал печи помещения 5 раскопа 29.

Fig. 9. 1 –Mayaki archaeological monument, eastern slope viewed from the fortified settlement and excavation 29;

2 –ruins of a furnace in room 5 of excavation 29.

была вымощена фрагментами керамических сосудов, многие из которых деформировались и ошлаковались вследствие воздействия высокой температуры (рис. 13: 1–5).

Котлован помещения 5 был вырыт в слое зольника эпохи бронзы, благодаря чему четкий его контур ни в плане, ни на бровках зафиксировать не удалось. Тем не менее границы постройки читались по материалу, компактно залегающему на одной глубине на этом участке раскопа. Этот факт обращал внимание, т. к. на остальной площади раскопа находки пеньковской керамики были единичными. Судя по находкам, помещение 5 представляло полуземлянку размерами не менее 5×4–4,5 метра,

с печью-каменкой в северо-западном углу. Кроме фрагмента фибулы, обломка рога и каменного терочника треугольной формы (рис. 11: 2) в котловане помещения 5 встречено большое количество керамики. Основную часть ее составляют лепные горшки с примесью шамота в тесте. Часть этих сосудов реконструировалась графически, а один (рис. 11: 5; 12: 8) был собран полностью. Большинство сосудов представлено горшками. Несколько фрагментов S-видной профилировки относится к небольшим приземистым сосудам (рис. 12: 9, 12), которые Е.А. Горюнов определял как миски (Горюнов, 1981, с. 73, рис. 25). Орнаментация керамики бедная: ряд венчиков орнаментиро-

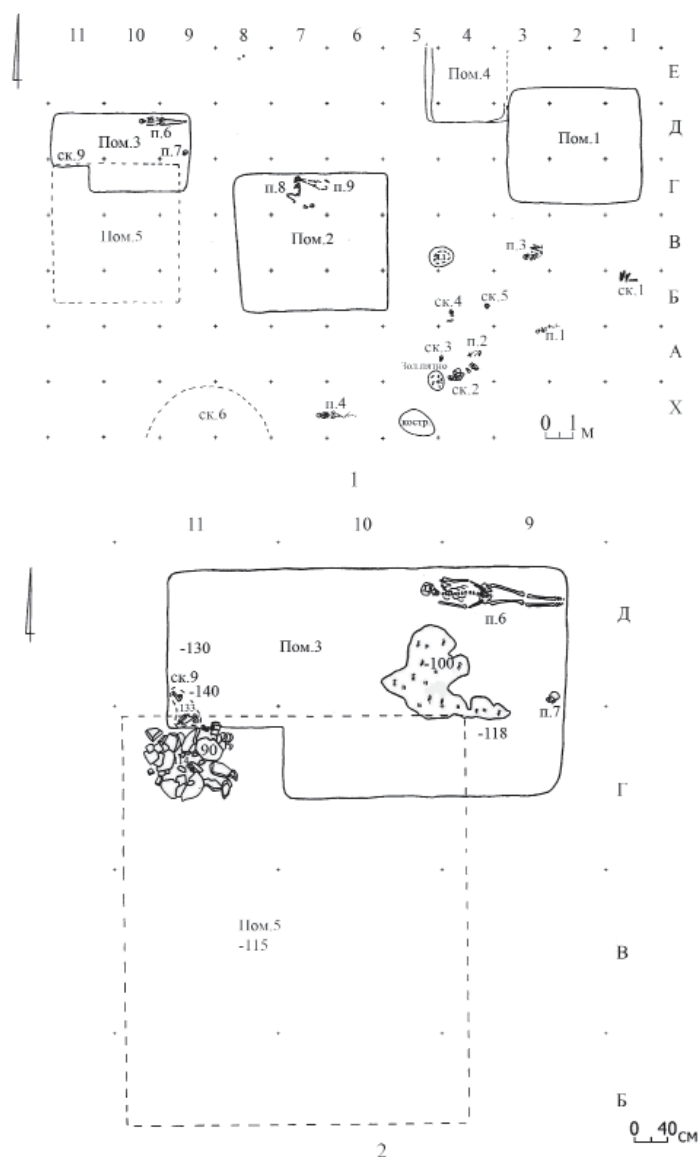

Рис. 10. 1 – селище 3, общий план раскопа 29; 2 – раскоп 29, план помещений 3 и 5.
Fig. 10. 1 – Settlement 3, general plan of the excavation 29; 2 – excavation 29, plan of rooms 3 and 5.

ван пальцевыми вдавлениями по краю (рис. 11: 7; 12: 6). Фрагменты крупного зерновика украшены под венчиком массивным подтреугольным в поперечном сечении валиком (рис. 12: 1). Достаточно часто встречаются сковороды (рис. 11: 3; 12: 2–3; 13: 6). Зафиксированы фрагменты крупного лепного таза (диаметр до 35 см) с достаточно высоким наклоненным наружу бортиком (высота 7 см), плавно переходящим к плоскому дну (рис. 12: 4).

Удалось реставрировать ручную мельницу, сделанную из крупнозернистого песчаника, из обломков которой был сложен корпус печи. Ее поставец, края которого рассыпались от воздействия высокой температуры, представлял камень (толщина до 5 см.) круглой формы (d. 38

см) с конически сужающимся книзу отверстием в центральной части (d. 10 см, внизу d. 5 см). Бегунок – массивный, подквадратный в плане (41×40 см) и конический (высота до 20 см) в поперечном сечении камень, имел плоскую рабочую поверхность. Несквозное отверстие для ручки находилось сверху, у края жернова (рис. 11: 6). Рабочая поверхность обоих камней была покрыта точечной набивкой.

Как видим, описанные выше постройки располагались на террасе, вытянутой вдоль берега Северского Донца. В раскопах 28 и 30, которые находились к юго-востоку от площадки террасы, слоя и комплексов пеньковской культуры выявлено не было. Судя по размерам сооружений и конфигурации террасы, общее

Рис. 11. Раскоп 29. Вещи из комплексов пеньковской культуры:

1 – бронза, 2, 6 – камень, 4 – рог, 3, 5, 7-8 – керамика.

Fig. 11. Excavation 29. Items from Penkovskaya culture complexes:

1 – bronze, 2, 6 – stone, 4 – horn, 3, 5, 7-8 – ceramics.

количество жилищ на поселении могло достигать десятка. Факт же наличия стратиграфии в раскопе 26 (помещения 3 и 5) свидетельствует о том, что не все эти постройки функционировали в одно время. Наиболее вероятным будет предположить, что на террасе одновременно находилось 6–7 построек. Это совпадает с данными небольших пеньковских поселений, расположенных как в пределах рассматриваемого нами региона, так и на иных территориях, входящих в ареал распространения пеньковской культуры (Приходнюк, 1998, с. 22).

Отопительные сооружения были обнаружены только в двух постройках (помещение 3 раскопа 26 и помещение 5 раскопа 29). Последнее явление может быть связано с тем, что прочие постройки имели хозяйственное назначение. Факт отсутствия в жилищах

отопительных сооружений фиксируется на ряде пеньковских поселений Днепрового Левобережья (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 114–115). Собственно, отопление этих построек могло производиться при помощи каких-либо переносных отопительных приспособлений типа жаровен, неоднократно фиксирующихся на памятниках более позднего времени (Кравченко, 2020, с. 94). В качестве них могли использоваться крупные сковороды или тазы, близкие предмету, обломки которого были выявлены в помещении 5 (рис. 12: 4).

Обращает внимание, что на рассматриваемом поселении все хозяйственные ямы находились на восточной окраине селища (раскоп 27), за пределами построек. Подобная ситуация, когда хозяйственные сооружения сконцентрированы на одном участке памятника,

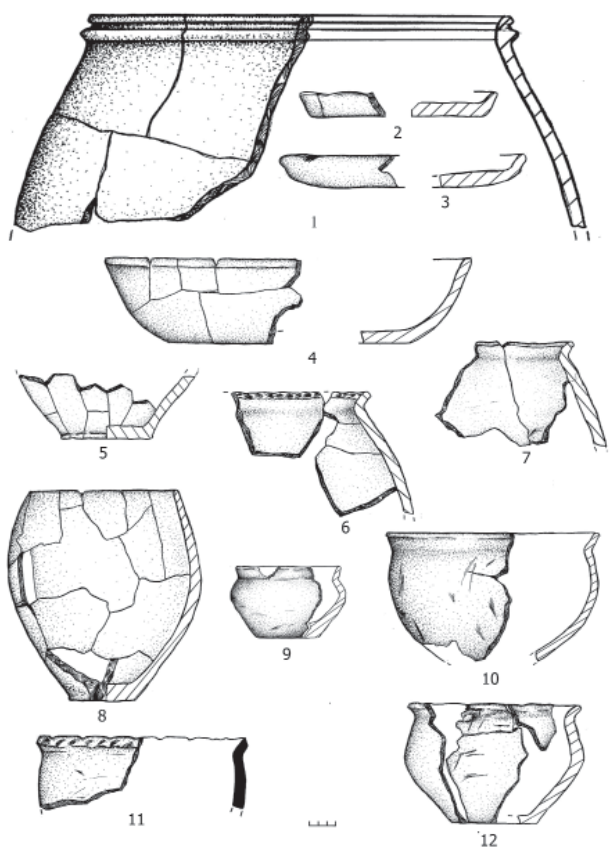

Рис. 12. Раскоп 29, помещение 5 – керамика.
Fig. 12. Excavation 29, room 5 – ceramics.

также встречается на пеньковских поселениях (Приходнюк, 1998, с. 22).

Таким образом, в устье Ложникова Яра проживала одна небольшая община. Хронологические рамки существования поселения позволяет определить выявленный в комплексах археологический материал. Ряд котлованов содержал мало находок, что усложняет вопрос их датировки. Наиболее ранние помещения были выявлены в центральной части террасы, в раскопе 26. К ним относятся помещения 3 и 5 этого раскопа. Размеры и форма помещения 3, его конструктивные особенности (наличие столба и открытого очага в центральной части котлована) сближают его с сооружениями киевской культуры и ранними пеньковскими жилищами (Горюнов, 1981, с. 37; Памятники..., 2007, с. 19–20; Приходнюк, 1998, с. 25; Гавритухин, Обломский, 1996, с. 114). В котловане помещения 3 находилось достаточно много лепной керамики, в том числе фрагмент пеньковского зерновика. Присутствовал здесь и фрагмент гончарного лощеного сероглиняного сосуда.

Помещение 3 находилось в стратиграфической связке с расположенным восточнее помещением 5 (Кравченко, Швецов, 1990, Табл. 7). Указанные котлованы имели близкую глубину и располагались параллельно друг другу, соприкасаясь краями. При зачистке прослежено, что помещение 5 было прорезано помещением 3, то есть было более ранним. В пользу ранней датировки помещения 5 свидетельствует и факт наличия в его котловане биконического пряслица с усеченными основаниями (рис. 3: 6).

К числу поздних сооружений относятся постройки, выявленные в раскопах 27 и 29.

В раскопе 27, в котловане помещения 3, обнаружены два развала сосудов, один из которых – приземистый горшок S-видного профиля (рис. 8: 4) – по своей форме стоит ближе к керамике более позднего периода.

В раскопе 29 жилище имело в качестве отопительного сооружения печь-каменку, сделанную из обломков ручной мельницы и фрагментов керамических сосудов, которыми была выложена ее внутренняя часть. На пеньковских памятниках Днепроовского Левобережья данный тип отопительного сооружения встречается редко. Куда чаще печи фиксируются на территории Среднего Поднепровья (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 115). Мельницу, из обломков которой был сложен корпус печи, по классификации Р.С. Минасяна, можно отнести к III группе (Минасян, 1978, с. 108–109). По своей конструкции она близка ручным мельницам, широко представленным на салтовских памятниках (Михеев, 1985, с. 77–78, рис. 27; Давыденко, Гриб, 2011, с. 255–256, рис. 11: 1, 12: 1–2; Колода, Горбаненко, 2002, с. 458–460, рис. 6: 1–3, 5–14). Тем не менее за счет характерной формы бегунка данный предмет отличается от салтовских ручных мельниц, верхние камни которых обычно более тонкие, а внешняя поверхность гораздо лучше обработана. Вероятно, рассматриваемый нами предмет представляет раннюю форму мельниц, широко представленных на поселениях салтово-маяцкой культуры.

Обрезок оленьего рога, найденный в помещении 5 раскопа 29, имеет следы обработки. Его острый край заполирован, а на тыльном конце присутствуют следы пиления, свидетельствующие, что эту часть собирались отрезать (рис. 11: 4). По всем признакам указанный рог представляет собой заготовку

Рис. 13. Раскоп 29, помещение 5, керамика:

1-5 – фрагменты из конструкции печи, подвергшиеся деформации; 6 – фрагмент сковороды.

Fig. 13. Excavation 29, room 5, ceramics:

1-5 – deformed structural fragments of a furnace, 6 – fragment of a frying pan.

так называемого «острия» – предмета, находящегося многочисленными параллелями в салтовских древностях (Флерова, 2001, с. 71–73). Для памятников пеньковской культуры они, как будто, не характерны. Рог был выявлен у дна котлована вместе с многочисленной пеньковской керамикой. Более того, он найден за пределами участка, где часть котлована помещения 5 была повреждена постройкой более позднего времени, то есть случайное попадание этого предмета в котлован жилища исключено.

К датирующим предметам относится и обломок головки пальчатой фибулы т. н. «постготского» или «днепровского» типа, найденный в раскопе 29. Подобные предметы имеют достаточно широкий ареал распространения и хронологические рамки бытования. Их верхняя дата не выходит за пределы

VII века (Гавритухин, Приймак, 2001–2002; Гавритухин, Обломский, 1996, с. 36). К сожалению, определить разновидность данного экземпляра по имеющемуся фрагменту представляется затруднительным. Вероятно, следует учитывать и тот факт, что предмет был найден в заполнении котлована помещения 3 эпохи развитого Средневековья, куда он мог попасть, как из пеньковской постройки 5, край которой прорезал это помещение, так и с прилегающего к ней участка, то есть из культурного слоя.

Таким образом, время существования поселения определяется V–VII веком, вероятно, вплоть до конца указанного столетия. Каких-либо явных материалов 1 половины VIII века в изученных комплексах обнаружено не было. При этом, в культурных напластованиях раскопа 27 присутствуют находки достаточно архаичной салтово-маяцкой посуды (рис. 8: 5), а в раскопе 29 (квадрат Б-10) обнаружен фрагмент лепного слабопрофилированного горшка, орнаментированного пальцевыми вдавлениями по краю отогнутого наружу венчика (рис. 11: 8; 12: 11). По своему виду он имеет сходство с лепной керамикой поселения «Полное» хазарского времени (Прокофьев, 2007, с. 218, рис. 5). Все это свидетельствует в пользу того, что на поселении могут присутствовать древности 1 половины или середины VIII века.

Рассматриваемое нами поселение, как и группа памятников, в которую оно входило, функционировало в отрезок времени, предельно насыщенный историческими событиями. Существование на граничащей со степью территории группы неукрепленных поселений в столь сложный исторический период, каким являлась эпоха Великого переселения народов, было невозможно без мирных или союзнических отношений с населением, под контролем которого находился в это время степной регион. О наличии у населения пеньковской культуры контактов со степняками неоднократно упоминалось авторами. О них свидетельствуют находки на пеньковских памятниках вещей степного происхождения, а также присутствие в степи материалов, связанных с пеньковским населением (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 121–122; Швецов, 2018 б). На поселениях пеньковской культуры изредка встречаются остатки куртообразных построек (Гавритухин,

Обломский, 1996, с. 115, 122; Приходнюк, 1998, с. 25–27), которые были зафиксированы и на расположенном неподалеку поселении Старица/Богородичное 1 (Швецов, 2018 б, с. 176). Полиэтническое население, проживавшее на пеньковских памятниках, большинство исследователей связывает с племенами антов, упоминаемых византийскими источниками. Точки зрения различных авторов об отношениях антов с Великой Булгарией Кубрат-хана, о процессе формирования этого населения, о преобладании в его составе славянского либо неславянских, этнических компонентов являются предметом дискуссии (см. Гавритухин, Обломский, 1996, с. 108–111, 141–148; Приходнюк, 1998, с. 13–20 и другие).

При всем этом наличие в среднем течении Северского Донца группы памятников, существовавших как в эпоху Великого переселения народов, так и в следующее за ней хазарское время, представляет существенный интерес. Исследователями неоднократно отмечалось, что на поселениях салтово-маяцкой культуры Доно-Донецкого региона присутствуют следы славянского влияния (Плетнева, 1962; Колода, 1999, с. 71; Апареева, Красильников, 2001, с. 301; Красильников, 2001, с. 320; Прокофьев, 2007; Кравченко, 2020, с. 80–81, 138; 2022). По мнению авторов, в VIII–IX веках «этническая ситуация в степном Подонцовье характеризуется определенной смешанностью этнокультурных традиций, включающих в себя 4–5 этносов. Это прежде всего праболгары как основное ядро населения салтово-маяцкой культуры, затем прослеживаются следы аланского населения, признаки славян, компонент среднеазиатского этноса и, наконец, тюркоязычных кочевников» (Апареева, Красильников, 2001, с. 301).

Особенно четко следы славянского влияния проявляются в домостроительстве. На салтовских памятниках региона достаточно часто встречаются печи-каменки и глинобитные печи¹⁴, широко распространенные на славянских землях. Корпус печей-каменок зачастую был сложен из нетермостойкого известняка, а топка изнутри вымощена керамическими фрагментами, уложенными на глиняную основу (Кравченко, 2020, с. 80). По своим конструктивным особенностям указанные печи имеют значительное сходство с описанной выше печью из пеньковского жилища, расчищенного в раскопе 29 на селище 3 архео-

логического комплекса Маяки. Интерес представляет присутствие в регионе полуземлянок с характерным положением печи, находящейся при входе в постройку, с топкой, развернутой поперек этого входа (Кравченко, 2020, с. 71). Из прочего материала привлекают внимание лепные вотивы, достаточно часто встречающиеся на салтовских памятниках региона. Некоторые из них копируют формы салтовских сосудов (Кравченко, 2020, с. 96, рис. 175: 6). Тем не менее большая часть этих сосудиков не отличима от вотивов пеньковской культуры (Кравченко, 2020, с. 96, рис. 175: 1–5, 7–9).

Указанные данные свидетельствуют о том, что в хазарское время на рассматриваемых территориях наряду с болгарами, аланами и прочими этносами проживало славянское население. Его влияние вполне объяснимо на памятниках лесостепи, прилегающих к территориям, в пределах которых происходило формирование славянских культур. Тем не менее влияние славян достаточно четко прослеживается и в среднем течении Северского Донца, на поселениях буферной зоны между степью и лесостепью и даже на граничащих с этой зоной степных просторах. Показательно, что на многих поселениях, находящихся в пределах этой территории, напластования хазарского времени подстилаются слоем пеньковской культуры¹⁵.

На основании имеющегося в распоряжении археологического материала ныне трудно говорить о том, как попали в среднее течение Северского Донца носители славянской традиции. Возможно, данное население переместилось (или было перемещено) из заселенных славянами лесостепных территорий уже в период существования Хазарского каганата (Прокофьев, 2007, с. 223). При этом не следует исключать и того, что носителями этой традиции могло являться автохтонное население, проживавшее в эпоху Великого переселения народов в буферной со степью зоне, которое было поглощено выходцами из Степи и Северокавказского региона, пришедшими на рассматриваемые нами земли в VIII веке. Так или иначе, славянское население вместе с аланами, болгарами и другими тюркскими группами приняло участие в формировании этнического облика жителей Доно-Донецкого региона хазарского времени и наложило свой отпечаток на их яркую и самобытную материальную культуру.

Примечания:

¹ Проводились экспедицией «Славутич» под руководством Д.Я. Телегина (Институт археологии АН УССР). В работах принимали участие сотрудник ДОКМ С.М. Дегерменджи, краеведы из г. Славянска А.И. Духин и А.В. Шамрай, а также автор данной работы.

² Поселения в урочище Панский Луг (рис. 1: 3) и Выдылыха (рис. 1: 2). Оба памятника находятся близ села Богородичное Славянского района Донецкой области. Панский Луг в литературе известен, как поселение в урочище «Старица» (Телегин, Духин, Кравченко, 1997, с. 145) или «Богородичное 1» (Приходнюк, 1998). Поселение Выдылыха повторно (после Н.В. Сибилева) открыто А.И. Духиным в 70-х годах XX века.

³ У города Святогорск Донецкой области

⁴ Близ хутора Пасека Изюмского р-на на границе Харьковской и Донецкой областей.

⁵ Близ поселка Райгородок Славянского района Донецкой области.

⁶ Окрестности Дробышевского лесничества Краснолиманского района Донецкой области.

⁷ Из перечисленных выше памятников наиболее полно были опубликованы лишь результаты раскопок 1989 года на поселении Старица (Приходнюк, 1998; Обломский, 2002; Памятники киевской культуры, 2007; Швецов, 2018 б).

⁸ Руководитель С.Н. Братченко.

⁹ О.М. Приходнюк показывает восточную границу ареала распространения памятников пеньковской культуры чуть восточнее течения реки Оскол (Приходнюк, 1998, рис. 1: 1-2). В тексте указывается, что крайним юго-восточным памятником является поселение у села Богородичное (Приходнюк, 1998, с. 21).

¹⁰ В работе приводится двойная нумерация раскопов. Первоначально авторами, работавшими на разных участках археологического комплекса, применялась собственная нумерация, что вызвало немалую путаницу, так как раскопы имели одинаковые номера. Попытка унифицировать нумерацию раскопов была произведена автором в 2008 году (Кравченко, 2008, с. 3-4, рис. 1). Здесь вначале даны номера, под которыми раскопы, фигурируют в отчетах исследователей. За чертой, приводятся номера, согласно общей их нумерации.

¹¹ На различных участках селища, за счет природных аллювиальных и делювиальных процессов, а также последствий хозяйственной деятельности человека, вызвавшей всевозможные повреждения культурных напластований, уровень залегания слоя с пеньковской керамикой несколько отличался. Указанные глубины являются отметками, сделанными на не поврежденных участках селища.

¹² Все глубины даются от современной поверхности. Отметки, произведенные от репера, указаны отдельно.

¹³ Исследования на данном участке были связаны со строительством насосной станции. Этим был обусловлен ряд сложностей, возникших при их проведении. В связи с большим объемом работ, раскопки начались еще осенью 1990 года. Они носили ограниченный характер – на части площади раскопа велась разборка верхних слоев. В зимний период, когда археологические исследования были приостановлены, строители, без ведома исследователей, возобновили земляные работы: - на некоторых участках при помощи бульдозера был снят верхний слой грунта. В результате, часть комплексов полностью прослежена не была. Далее, работы пришлось вести параллельно со строителями, что отразилось на качестве полевой документации.

¹⁴ Последние встречаются реже.

¹⁵ В плане этого интерес представляет вопрос о верхней дате пеньковских древностей, который неоднократно поднимался авторами (см. Гавритухин, Обломский, 1996, с. 119-120, 129-130). О.М. Приходнюк считал, что верхняя граница существования пеньковской культуры не выходит за конец VII века (Приходнюк, 1998, с. 40-60). В более поздней своей работе он допускал, что потомки пеньковского населения существовали и в начале VIII столетия (Приходнюк, 2001, с. 60). По мнению Е.А. Горюнова «верхняя граница пеньковской культуры приходится на конец VII – начало VIII вв., т.е. соответствует времени зарытия большинства «антских» кладов и гибели Пастырского поселения» (Горюнов, 1981, с. 81). Началом VIII века датировал верхнюю границу существования пеньковских древностей М.В. Любичев (Любичев, 1994, с. 129-134). Близкой точки зрения придерживался М.Л. Швецов (Швецов, 2018 б, с. 177).

ЛИТЕРАТУРА

Апареева Е.К., Красильников К.И. Славянские признаки у праболгар Среднедончя // Актуальні проблеми вітчизняної і всесвітньої історії. Матеріали I Всеукраїнської наукової конференції. Луганськ, 2001. С. 297–301.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / РСМ. Вып. 3 / Ред. Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова. М.: ИА ПАН, 1996. 296 с.

Гавритухин И.О., Приймак В.В. Пальчатая фибула из Малой Рыбицы // Stratum Plus. 2001-2002. № 5. С. 91–99.

Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 1981. 136 с.

Давыденко В.В., Гриб В.К. «Государев Яр» - новый памятник X-XI вв. в среднем течении Северского Донца (предварительная публикация) // Археологический альманах. № 25 / Гл. ред. А.В. Колесник. Донецк: Бытсервис, 2011. С. 25–269.

Колесник А.В., Подобед В.А., Дедов В.Н., Литвиненко Р.А. О работах археологической экспедиции ЭТО «Фонд» при Донецком отделении Украинского фонда культуры в 1989 г. // НА ИА НАНУ. 1989/239.

Колода В.В. Раннесредневековые жилища Верхнего Салтова // Проблемы археологии Украины. Тезисы докладов научной конференции (21–23 октября 1999 г.). Харьков: ХГУ, 1999. С. 70–71.

Колода В.В., Горбаненко С.А. К вопросу о средневековом земледелии (по материалам Верхнесалтовского археологического комплекса) // Stratum Plus. 2001–2002. № 5. С. 448–465.

Красильников К.И. Новые данные об этническом составе населения степного Подонцовья VIII – нач. X вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2001. С. 303–322.

Кравченко Э.Е. Памятники начала нашей эры в среднем течении р. Северский Донец // Исследования по средневековой археологии Евразии / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2012. С. 142–153.

Кравченко Э.Е., Петренко А.Н., Шамрай А.В. Отчет об исследованиях на археологическом комплексе Маяки в 2008 году // Архив ИА НАНУ № 2008/82.

Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. Отчет об археологических спасательных исследованиях на памятнике Царином городище в 1990 году // Архив ИА НАНУ № 1990/188.

Кравченко Э.Е., Цимиданов В.В., Кузин В.И. Отчет о работах археолого-этнографической экспедиции Донецкого областного краеведческого музея в Славянском районе в 1998 г. // Архив ИА НАНУ № 1998/101.

Кравченко Э.Е., Цимиданов В.В., Шамрай А.В., Мирошниченко В.В., Петренко А.Н. Отчет о работах средневековой археологической экспедиции ДОКМ в 2005 г. // Архив ИА НАНУ № 2005/25.

Красильников К.И., Тельнова Л.И. Грунтовый могильник у пос. Новодачное // Древности Подонцовья. Луганск, 1997. С. 66–80.

Любичев М.В. Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII – начале VIII вв. // Древности. Т. 1 / Глав. ред. В.И. Кадеев. Харьков: Бизнес-Информ, 1994. С. 87–100.

Минасян Р.С. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н.э.) // СА. 1978. № 3. С. 101–113.

Михеев В.К. Отчет об археологических раскопках поселения у с. Маяки в 1964 г. // НА ИА НАНУ № 1964/28

Михеев В.К. Отчет об археологических разведках и раскопках Средневековой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета за 1972 г. // НА ИА НАНУ. 1972/79.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: ХГУ, 1985. 147 с.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н. э.) / РСМ. Вып. 5. М.: Наука, 2002. 255 с.

Обломский А.М. Материалы рубежа нашей эры на городище Битица в Сумской области (раскопки 1984–1986 гг.) и некоторые проблемы позднескифской археологии Лесостепного Поднепровья // Археологическое наследие. 2020. № 1 (3). С. 377–392.

Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) / РСМ. Вып. 10 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. 320 с.

Сібільов М.В. Старовинності Ізюмщини. Вип. 4. Ізюм, 1928.

Плетнева С.А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII–IX вв. // СА. 1962. № 1. С. 83–94.

Приходнюк О.М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования). Воронеж: Воронеж. ун-т, 1998. 170 с.

Приходнюк О.М., Швецов М.Л. Отчет о работе Славянской экспедиции в 1989 г. / Архив ИА НАНУ № 1989/3.

Прокофьев Р.В. Поселение IX века на левобережье Северского Донца // Средневековые древности Дона: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. М.; Иерусалим: Гешарим, 2007. С. 215–239.

Телегін Д.Я., Кравченко Е.Є., Духін О.Й. „Звіт про роботу на території Донецької обл. в 1983”// НА ІА НАНУ 1983/19а.

Телегін Д.Я., Духін О.Й., Кравченко Е.Є. Обстеження поселень епохи міді-бронзи і раньослов'янського часу на Сіверському Дінці // Археологія. 1997. № 2. С. 143–147.

Циміданов В.В., Полідович Ю.Б. Охоронні дослідження у м. Святогірськ Донецької області у 2004 р. // НА ІА НАНУ 2004/235.

Флёрова В.Е. Резная кость Юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетей, 2001. 352 с.

Хозин С.Р. Гунно-сарматское поселение Святогорск X в среднем течении Северского Донца // Святогірський альманах 2007 / Отв. ред. П.В. Добров. Донецк: Донбасс, 2007. С. 69–74.

Швецов М.Л. Взаимоотношения степного и лесостепного населения в эпоху средневековья (на примере Подонцовья - Приазовья) // Евразийская степь и Донбасс в эпоху средневековья / Ред. М.Г. Крамаровский и др. Донецк: Донецкий Центр института востоковедения им. А. Крымского, 2018а. С. 117–121.

Швецов М.Л. Новогиригорьевское погребение и этническая ситуация в Приазовье IV–VIII вв. // Евразийская степь и Донбасс в эпоху средневековья / Ред. М.Г. Крамаровский и др. Донецк: Донецкий Центр института востоковедения им. А. Крымского, 2018б. С. 172–184.

Швецов М.Л. Праболгары Подонцовья и Приазовья VII–XIII вв. – вопрос государственности? // Евразийская степь и Донбасс в эпоху средневековья / Ред. М.Г. Крамаровский и др. Донецк: Донецкий Центр института востоковедения им. А. Крымского, 2018в. С. 185–208.

Информация об авторе:

Кравченко Эдуард Евгеньевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии «Института истории и археологии Византии и Причерноморья», доцент кафедры «Археология», Севастопольского государственного университета (г. Севастополь, Россия); sidae@mail.ru

REFERENCES

Apareeva, E. K., Krasilnikov, K. I. 2001. In *Aktual'ni problemi vitchiznyanoi i vsesvitn'oi istorii. Materiali I Vseukrains'koï naukovoï konferentsii* (Current issues of national and world history. Proceedings of the first All-Ukrainian Scientific Conference). Lugansk, 297–301 (in Russian).

Gavritukhin, I. O., Oblomsky, A. M. 1996. In *Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskii kontekst* (Gaponovo Hoard and its cultural and historical Context). Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Gavritukhin, I. O., Priymak, V. V. 2001–2002. In *Stratum Plus* (5), 91–99 (in Russian).

Goryunov, E. A. 1981. *Rannie etapy istorii slavyan Dneprovskogo Levoberezh'ya* (The early stages of the history of the Slavs on the left bank of the Dnieper). Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Davydenko, V. V., Grib, V. K.. 2011. In Kolesnik, A. V. (ed.). *Arkheologicheskii al'manakh* (Archaeological almanac) 25. Donetsk: “Bytservis” Publ., 25–269 (in Russian).

Kolesnik, A. V., Podobed, V. A., Dedov, V. N., Litvinenko, R. A. 1989. *O robotakh arkheologicheskoy ekspeditsii ETO «Fond» pri Donetskom otdelenii Ukrainskogo fonda kul'tury v 1989 g.* (About the work of the archaeological expedition of ETO Foundation under the Donetsk Branch of the Ukrainian Cultural Foundation in 1989). Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1989/239 (in Russian).

Koloda, V. V. 1999. In *Problemy arkheologii Ukrainy. Tezisy dokladov nauchnoy konferentsii* (21–23 oktyabrya 1999 g.) (Issues of Ukraine Archaeology. Abstracts of the Scientific Conference (October 21–23, 1999)). Kharkiv: Kharkiv State University, 70–71 (in Russian).

Koloda, V. V., Gorbanenko, S. A. 2001–2002. In *Stratum Plus* (5), 448–465 (in Russian).

Krasilnikov, K. I. 2001. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia* (Steppes of Europe in the Middle Ages) 2. Donetsk: Donetsk National University, 303–322 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2012. In Rudenko, K. A. (ed.). *Issledovaniia po srednevekovoi arkheologii Evrazii* (Studies in Medieval Archaeology of Eurasia). Kazan: “Shkola” Publ., 142–153 (in Russian).

Kravchenko, E. E., Petrenko, A. N., Shamray, A. V. 2008. *Otchet ob issledovaniyakh na arkheologicheskoy komplekse Mayaki v 2008 godu* (Report on the study of Mayaki Archaeological Complex in 2008). Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 2008/82 (in Russian).

Kravchenko, E. E., Shvetsov, M. L., 1990. *Otchet ob arkheologicheskikh spasatel'nykh issledovaniyakh na pamyatnike Tsarinom gorodishche v 1990 godu* (Report on archaeological rescue studies at Tsarinoye Gorodishche monument in 1990). Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1990/188 (in Russian).

Kravchenko, E. E., Tsimidanov, V. V., Kuzin, V. I., 1998. *Otchet o rabotakh arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii Donetskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya v Slavyanskom rayone v 1998 g.* (Report on the activities of the Archaeological and Ethnographic Expedition of the Donetsk Regional Museum of Local Lore in Slavyansk district in 1998). Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1998/101 (in Russian).

Kravchenko, E. E., Tsimidanov, V. V., Shamray, A. V., Miroshnichenko, V. V., Petrenko, A. N. 2005. *Otchet o rabotakh srednevekovoy arkheologicheskoy ekspeditsii DOKM v 2005 g* (Report on the activities of the Medieval Archaeological Expedition of the Donetsk Regional Museum of Local Lore in 2005). Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 2005/25 (in Russian).

Krasilnikov, K. I., Tel'nova, L. I. 1997. In *Drevnosti Podontsov'ya* (Antiquities of the Don Region). Lugansk, 66–80 (in Russian).

Lyubichev, M. V. 1994. In Kadeev, V. I. (ed. in chief). *Drevnosti* (Antiquities) 1. Kharkov: "Biznes-Inform" Publ., 87–100 (in Russian).

Minasyan, R. S. 1978. In *Sovetskaya Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (3), 101–113 (in Russian).

Mikheev, V. K. 1964. *Otchet o arkheologicheskikh raskopkakh poseleniya u sela Maiaki v 1964 g.* (Report on Archaeological Excavations at a Settlement near Mayaki Village in 1964). Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1964/28 (in Russian).

Mikheev, V. K. 1972. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh i raskopkakh Srednevekovoy arkheologicheskoy ekspeditsii Khar'kovskogo gosuniversiteta za 1972 g* (Report on archaeological exploration and excavations of the Medieval Archaeological Expedition of Kharkov State University in 1972). Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. 1972/79 (in Russian).

Mikheev, V. K. 1985. *Podon'e v sostave Khazarского kaganata* (The Don Region in Khazar Khaganate). Kharkiv: Kharkiv State University (in Russian).

Oblomsky, A. M. 2002. *Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v pozdnerimskoe i gunnskoe vremya (seredina III – pervaya polovina V v. n. e.)* (Dnieper forest-steppe Left Bank in the Late Roman and Hunnic periods (mid-3rd - first half of the 5th century AD)). Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 5. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Oblomsky, A. M. 2020. In *Arkheologicheskoe nasledie* (Archaeological Heritage) 3 (1), 377–392 (in Russian).

Oblomsky, A. M. (ed.). 2007. *Pamyatniki kievskoy kul'tury v leso-stepnoy zone Rossii (III – nachalo V v. n.e.)* (Russian Forest-steppe zone Kiev culture archaeological sites (3rd – early 5th cent. A.D.)). Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 10. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Sibil'ov, M. V. 1928. *Starovinnosti Izyumshchini* (Antiquity Of Izyum Region) 4. Izyum (in Ukrainian).

Pletneva, S. A. 1962. In *Sovetskaya Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (1), 83–94 (in Russian).

Prikhodnyuk, O. M. 1998. *Pen'kovskaya kul'tura* (Kul'turno-arkheologicheskii aspekt issledovaniya) (Penkov culture (Cultural and archaeological aspect of the study. Voronezh) Voronezh: Voronezh State University Publ. (in Russian).

Prikhodnyuk, O. M., Shvetsov, M. L. 1989. *Otchet o rabote Slavyanskoy ekspeditsii v 1989 g.* (The report of the Slavic Expedition's work in 1989) Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. № 1989/3 (in Russian).

Prokof'ev, R. V. 2007. In Guguev, Yu. K. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Dona: Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona* (Medieval antiquities of the Don: Materials and studies on the Archaeology of the Don) 2. Moscow; Jerusalem: "Gesharim" Publ., 215–239 (in Russian).

Telegin, D. Ya., Kravchenko, E. E., Dukhin, O. I. 1983. *Zvit pro robotu na teritorii Donets'koï obl. v 1983* (Report on work in the Donetsk region in 1983). Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. 1983/19a (in Ukrainian).

Telegin, D. Ya., Dukhin, O. I., Kravchenko, E. E. 1997. In *Arkheologiya (Archaeologiya)* (2), 143–147 (in Russian).

Tsymidanov, V. V., Polidovich, Yu. B. 2004. *Okhoronni doslidzhennya u m. Svyatogirs'k Donets'koï oblasti u 2004 r. (Conservation Research in Svyatogorsk, Donetsk region, in 2004)*. Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. 2004/235 (in Ukrainian).

Flerova, V. E. 2001. *Reznaia kost' iugo-vostoka Evropy IX–XII vv. Iskusstvo I remeslo: (Po materialam Sarkela-Beloi Vezhi iz kollektsii Gosudarstvennogo Ermitazha) (South-East European Carved Bone in 9th – 12th Centuries. The Art and the Craft: (According to materials from Sarkel-Belaya Vezha from the collection of State Hermitage Museum))*. Saint Petersburg: “Aleteia” Publ. (in Russian).

Khozin, S. R. 2007. 2007. In Dobrov, P. V. (ed.) *Sviatogirs'kii al'manakh 2007 (Sviatogorsk Almanac 2007)*. Donetsk: “Donbass” Publ., 69–74 (in Russian).

Shvetsov, M. L. 2018. In Kramarovsky, M. G. (ed.). *Evraziyskaya step' i Donbass v epokhu srednevekov'ya (The Eurasian Steppe and Donbass in the Middle Ages)*. Donetsk: Donetsk Center of the A. Krymsky Institute of Oriental Studies, 117–121 (in Russian).

Shvetsov, M. L. 2018. In Kramarovsky, M. G. (ed.). *Evraziyskaya step' i Donbass v epokhu srednevekov'ya (The Eurasian Steppe and Donbass in the Middle Ages)*. Donetsk: Donetsk Center of the A. Krymsky Institute of Oriental Studies, 172–184 (in Russian).

Shvetsov, M. L. 2018. In Kramarovsky, M. G. (ed.). *Evraziyskaya step' i Donbass v epokhu srednevekov'ya (The Eurasian Steppe and Donbass in the Middle Ages)*. Donetsk: Donetsk Center of the A. Krymsky Institute of Oriental Studies, 185–208 (in Russian).

About the Author:

Kravchenko Eduard E. Candidate of Historical Sciences, Sevastopol State University. Universitetskaya, str. 33, 299053, Sevastopol, Russian Federation; sidae@mail.ru

Статья поступила в журнал 06.09.2023 г.
Статья принята к публикации 26.12..2024 г.